

ПОВЕСТИ

ДОЛГАЯ ПАМЯТЬ

Больше всего я расстроилась в музее истории Риги. Знала бы – не пошла.

Сам по себе музей, – часть ансамбля Домского собора, обычный, в смысле, интересный. Я вообще люблю все это рассматривать: кремневые наконечники, каменные топоры, оловянные брошки с грубыми застежками, рыцарские доспехи, городские ключи размером с курицу, модели парусников и дуэльные пистолеты – игрушечное детство человечества. И всегда найдется что-нибудь особенное: на втором этаже мы набрали на деревянную фигуру барабанщика шведской армии, который ростом был с десятилетнего мальчика, а лицом напоминал Петра I. Приезд русского царя в Ригу, – решили мы, произвел на рижан такое сильное впечатление, что оно отразилось в прикладном искусстве.

А про визит этот рижане рассказывают с удовольствием, нажимая на факт, что в Ригу император явился инкогнито – но в сопровождении двухсот саней. Горожане вежливо делали вид, что Петра не узнали: ну так, путешествует молодой человек роста раза в полтора выше среднего и со свитой... Добавлю, не удержусь, свой любимый исторический анекдот, с Ригой, правда, не связанный. Приезжает в Кенигсберг Петр I, и губернатор хвастается перед гостем технической новинкой – самодвижущимся инструментом для колесования. Петр, человек, как известно, любознательный, до техники охочий, просит показать новацию в действии. Губернатор огорченно разводит руками: как назло, сейчас в тюрьме – ни одного осужденного. «Ну что за пустяки, – отвечает император, – да возьмите хоть из моей свиты»...

...Надо сказать, что и Рига произвела на Петра впечатление. Рассматривая гравюры старого города, мы мгновенно угадывали очертания Петропавловской крепости. Видимо, дома под остроугольными крышами, огражденные надежной каменной стеной, показались великому реформатору воплощением его западной мечты...

Я посмеялась петровским усикам барабанщика и двинулась дальше. Мой спутник окликнул меня и невежливо показал пальцем на разверстую

спину деревянной фигуры. Нагнувшись, я заглянула внутрь: шестеренки и катушки с намотанными на них веревками должны были, по-видимому, приводить в движение сложный механизм и побуждать барабанщика стучать палочками и крутить головой. Буквально, как в фильме «Лучшее предложение», где главный герой собирает шестеренки от робота, которого изготовил когда-то чешский мастер-часовщик. Я думала, это фантазия авторов фильма, но, оказывается, такие роботы были в позднем средневековье обычным делом. Если подумать, то часы устроены сложнее...

То есть все начиналось очень хорошо. А расстроилась я в зале, который показывал быт советского времени. Кстати, ничего драматического: они не заострились на темных сторонах жизни под советским гнетом. Я вошла в этот зал и начала радостно кидаться от одного предмета к другому: «Ты это никогда не видел – «Sigulda», их на заводе ВЭФ изготавливали, мы крутили тумблер и слушали «вражеские» голоса по такому приемнику»...

– Послушай,- спросил мой спутник, – на чем она работала – на газе или электричестве? Рядом с белой плитой стояла корзинка с дровами. – Дрова что ли туда засовывали?

– Ты что, это духовка!

Что-то случилось вдруг со мной. Словно все вокруг: молодой человек в куртке с капюшоном, служительница на бдительном посту, музейные витрины с советскими рублями – отступило и пропало из поля зрения. Я, шестилетняя девочка с двумя косичками, стояла на кухне, у белой плиты, а мама, молодая, в зеленом крепдешиновом платье, держала в руках широкую алюминиевую кастрюлю: «Леночка, проверь, нагрелась ли плитка».

И я, взрослая тетя, стоя посреди рижского музея, послушно протянула руку над черным кружком... Это называется «долгая память». Я забыла, от чего работает плита, но рука помнила движение: ладонь идет медленно вниз, навстречу нагретому воздуху...

– Электрическая, – догадался молодой человек, нагнулся и обнаружил провод.

На стене висела фотография – знаменитый Балтийский путь. Летом 1989 года живой цепочкой от Таллина через Ригу до Вильнюса стояли люди, взявшиеся за руки. И я была в этой цепочке. Хорошо помню место на Ратушной площади, где за левую руку меня держал мой питерский приятель, с которым я и приехала в Ригу, а за правую – незнакомый латыш. Мы стояли так, взявшись за руки, не помню, сколько времени, и ждали счастья. Где он теперь, тот латыш, где та рука?

Рига – очень красивый город. Даже сейчас, когда мы насмотрелись табакерочных немецких городов, повидали роскошь Тосканы, кажется, уже ничем нас не удивить. Но нет. Рига – очень красивый город.

А представьте, как это выглядело, когда мы приезжали сюда из Советского Союза.

Прибалтика была – наша заграница, наша Европа. Вежливые пешеходы, дамы в буржуазных шапочках, вязанных, но буржуазных, с цветочком где-нибудь на боку, тягучий акцент: «Пожа-а-а-луйста», бульвар Райниса, кофейни, крошечные пирожные. Христорожественский кафедральный собор был обращен в то время в Планетарий. Сейчас-то он блещет золотыми куполами, а тогда там, как раз на входе, располагалось кафе, тусовочное место, типа петербургского «Сайгона». Называлось оно «Божье ухо»; музыканты, художники и те, кто думал «неправильно», ходили туда встречаться с друзьями, пить кофе из маленьких чашечек и смотреть на звездное небо. Средневековые узкие улицы, пиво и свиные ушки на закуску. Вывески на чужом языке и чувство неловкости.

Прибалты разговаривали с нами вежливо, это была не холодность, а они не выглядели жертвами – просто инопланетяне. Даже если ты дружил с ними, пил кофе в «Божьем ухе» и ругал советскую власть, ты все равно всегда чувствовал невидимую стеклянную перегородку, они, как скафандрами, покрыты были этим стеклом. Мука любого советского русского интеллигента. Тебе не предъявляют счет, но ты все равно не можешь от него уклониться.

Они были нашими европейцами. Они были аристократами, умели носить перчатки, делать бусы из янтаря и глиняные подсвечники. Из Прибалтики везли вышитый коврик, фенечку из соломы или желтый камешек на кожаном шнурке, – знак причастности.

Однажды мы с братом оказались в Таллине. (Раз уж пошла такая песня, буду рассказывать про Прибалтику вообще). Брат уходил в армию, и родители, чтобы скрасить ему последнюю неделю на свободе, решили сделать подарок – отправили нас вдвоем на выходные в Эстонию. Просто так советскому человеку остановиться в гостинице было невозможно, обычно «вписывались» к друзьям, но родители расстарались и устроили нам номер в высотной гостинице «Виру». Нам выдали страшные по тем временам деньги – сто рублей, и в первый же день мы нацелились идти в ресторан. Надо сказать, что в «увеселительном» заведении к этому моменту не был ни один из нас – Игорь, понятно, только школу окончил, но и я, окончившая университет, тоже там не бывала ни разу.

Отстояв небольшую очередь к культовому месту «Вана Тоомас», мы оказались внутри. Сейчас, наверное, трудно представить, но тогда рассаживали не за свободный столик, а на свободные места. Нас с Игорем разместили за стол, где уже ужинали два эстонца. Мы изучили меню, и, как сейчас помню, заказали курицу под белым соусом. В центре стола стоял кувшин с морсом. Повторюсь, мы с Игорем до этого бывали только в столовых и считали, раз стоит кувшин, то предполагается, что он на весь столик... Мы оживленно болтаем, брат берет за стеклянную ручку и разливает напиток по стаканам. Эстонцы замерли. Я была постарше и потому сообразила первая, что мы делаем что-то не то.

– Игорь, поставь кувшин, – прошипела я.

– Почему?

– Морс чужой.

– Ну что делать, будем допивать...

Вот так мы и жили.

Из музея мы вышли на мостовую перед Домским собором:

– Моя жизнь уже музеефицирована. Я такая старая?

Сейчас уместно процитировать цитату из собственной книги: «В нашей семье сантиментов не должешься».

– Ты замечательно выглядишь, – сказал мой спутник, я пнула его по ботинку, и мы двинулись дальше.

Приступы узнавания нападали на меня на каждом шагу.

Духи «Дзинтарс»... Они считались шиком. Кроме болгарского «Сигнатюра» и советских «Красной Москвы» с «Ландышем серебристым» – другими духами в стране не пахло. Про первые баночки с ланкомовским цветочком на разовой крышке впервые договорился Горбачев в 1985 году. До этого заграничную косметику нам привозили контрабандой моряки торгового флота.

Первые легальные французские духи мы купили вскладчину с моей подругой Мариной – 41 рубль (чуть больше половины моей зарплаты!) – стоил один волшебный флакончик Climat. Вечером, тщательно ополоснув бутылек из-под болгарской розы, мы с Мариной по-честному, пипеткой поделили на двоих драгоценные капли.

Мы зашли в кафе, я села в низкое матерчатое кресло 70-х годов; деревянную полочку между окон занимал телевизор Рекорд. Было видно, что здесь нарочито культивировали советскую атмосферу – на стене за спиной девушки у деревянной стойки висели фотографии советской Риги. Большие,

почти как окна. Мне принесли кофе и пирожное в виде грецкого ореха с вареной сгущенкой внутри. Я дотронулась пальцами до шершавой поверхности печеного шарика, надкусила его и поняла, что я когда-то здесь уже была. Я узнала это место. Только трамваи и люди, которые замерли на старых фотографиях, тогда двигались за окном.

Второй раз я оказалась в Риге в январе 1991 года.

Мало того, что Прибалтика была нашей Европой, оттуда, с Балтийского моря, сквозила свобода. Знаменитые таллинские издательства, журналы «Даугава», «Родник», где печатались Довлатов, Рейн, Бродский, – туда отправляли рукописи, которые уже невозможно было напечатать в центре, но еще не было нужды переправлять за границу; то, что оставалось на грани, на самом краю для тех, кто не хотел окончательно переступить порог и становиться изгоем. В Ригу уезжали художники, в Вильнюсе собирались карикатуристы, в Таллине проводили выставки, о которых в Москве или Ленинграде нельзя было помыслить дальше частной квартиры. В Латвию, которая всегда была известна своей полиграфией, на сломе эпох, возили печатать газеты и листовки демократы-неформалы. С годами балтийский сквознячок набирал силу и просачивался изо всех углов. Как мы тогда поддерживали прибалтов!

И как быстро они потом перестали делать разницу между советским и русским.

...Евгений Евтушенко приехал в Ригу, и его повели по залам Музея оккупации. Рассматривая фотографии на стенах, он разочарованно спросил: «А где здесь я? Где совет народных депутатов? Тот, на котором мы поддержали вашу независимость»...

Они ускользнули от нас, тихо и вежливо, прикрыв дверь за собой.

А ведь мы сидели вместе с ними у костров на улицах в январе 1991-го.

Мой латышский приятель как-то водил меня по местам «боевой славы».

– Вот здесь стояла баррикада, помнишь ее?

Конечно, помню. Помню гостиницу, в которой мы жили. Помню стеклянные витрины, пробитые пулями, помню, как мы лежали на полу, закрыв головы руками, и как финский журналист Ханну Вяйсянен стоял на пороге и продолжал снимать, когда ОМОНовцы стреляли прямо в его камеру. Он получил премию от финского Союза журналистов, и я пожимала его зажившую руку много лет спустя, в Хельсинки.

Помню церковь, в которой лежали убитые журналисты из группы известного тогда по всему Союзу режиссера Юриса Подниекса. И носилки, на которых уносили раненного оператора программы «Время». И Сашу Любимова – звезду экрана, такого знаменитого, красивого, к которому я даже не смела приблизиться. В тот раз.

– Ладно ты, – кричал мне потом Любимов, но как же я тогда мог тебя не заметить?

– Ну что ты, – говорила я. – Там ведь стреляли.

На книжной ярмарке я столкнулась со своим приятелем, которого знаю с тех времен. Он остепенился и из неформала-журналиста превратился в почтенного книготорговца.

– Сейчас, оглядываясь назад, ты доволен, как все сложилось? – спросила я.

– Понимаешь, – ответил он. – Мы живем в маленькой скучной европейской стране. А ты, как, довольна?

– Я ни о чем не жалею...

Случалось, я едала спагетти в Неаполе, пробовала суп из бычьих хвостиков в Кордове, креветки, фаршированные миндалем, по рецепту, который охраняется ЮНЕСКО!- ела я из маленькой алюминиевой кастрюльке в Севилье.

В голову бы не пришло ездить в Ригу ради еды. Кто вообще знает, что такое латышская кухня?

Для начала, в ней есть немецкая тяжеловесность: копченое мясо, свиное колено, горох,— но при этом сохраняется особая легкость, изысканность, я бы сказала – травность. Все три заведения, где мы отобедали, убедили меня в том, что Рига достойна гастрономического туризма. Но только в последнем ресторане, с голубыми изразцами на стенах, перед отъездом, я, наконец, догадалась, в чем дело.

Как-то мне довелось прожить в Греции целый месяц. Я читала, что средиземноморская кухня не может надоесть, но помню, к концу отпуска я перешла на мороженые фрикадельки из супермаркета. Все-таки солнце, море, оливковое масло,— это не то, к чему мы привыкли. В Риге ясно: этот судак еще вчера плавал в заливе, эти травы собраны под корабельными соснами, – короче, это наше, родное, балтийское. И оно отвечает моей внутренней флоре и фауне.

В с самом конце 80-х, когда ввели карточки, мы в Ленинграде не голодали только потому, что выменивали водочные талоны на сахар. В ЖЭКах тем, у кого были дети, выдавали круглые желтые коробки с каким-то протертым японским рисом. А были и вовсе экзотические случаи. Мамина знакомая, владелица двух черных догов, получала гуманитарную помощь в виде мяса от немецкого клуба собаководства, и ее собаки честно делились с хозяевами и их друзьями. ...Шли ночью, как контрабандисты, через новостройки и несли подмышкой сверток с гуманитарным «собачьим» мясом...

Из тех же времен запомнился мне репортаж: стоит на сейнере датский моряк: «Я слышал, что в Советском Союзе трудности с едой, но когда я думаю об этом, меня успокаивает мысль, что у вас под боком Балтийское море – вы

не можете голодать». Это он мороженого хека на прилавках рыбных магазинов никогда не видел!

Я шла по рижскому рынку, смотрела на золотистую салаку, толстых угрей с блестящими спинками, бочки с икрой, которая стоит в пять раз дешевле, чем у нас, разверстые розовые тушки лосося, селедку размером буквально с кита – даже не знала, что сельдь бывает такой здоровой, и думала: «Черт побери! Они же ловят рыбу в том же Балтийском море». Почему так?..

А сыры? А пирожные со сладким заварным кремом? А хлеб, который продают как сувенир в дьюти-фри?

Не могу сдержаться, про лучший ресторан я расскажу подробнее. Найти его очень легко – находится в самом центре города, в здании чуть ли не 12 века. Чтобы туристы не ошиблись, возле входа прогуливается дяденька с усами. На каменной стене – остов огромной бочки, и он там не случайно – в этом здании, чуть ли не с основания Риги, располагались винные подвалы. Руку на отсечение даю, что и Петр Первый со своей свитой сюда захаживал. Мы спустились вниз по лесенке, и, задрав головы, начали оглядывать, что здесь настоящее, сохранившееся, а что – новодел. Деревянные столы и стулья – современные, понятно, но в стенной нише стояло огромное деревянное кресло с мелкой и изысканной резьбой.

– Нынешним так не вырезать, – сказала я.

Официант сделал секундную паузу, он не хотел ронять престиж заведения и разочаровывать клиента – будь он русским или испанцем – может быть и приукрасил. Но прямолинейный латыш, он посмотрел на меня и сказал:

– Натуральная – стояла бы в музее.

Также честно не рекомендовал он телятину:

– За те деньги она должна быть гораздо лучше, чем подают у нас.

Настоящего там, собственно говоря, сам ресторан: низкие арки, грубые ступеньки, пиво и средневековые рецепты...

Так мы и бродили, от кофейни к ресторану, от пивной к пабу. Кофе с рижским бальзамом, кофе с кальвадос, со сливками, с шоколадом. И рижанки за соседними столиками: аккуратненькие, вежливые, с прямыми спинами и белыми волосами под маленькими шапочками с буржуазным цветочком на боку.

Русские действительно превратились в нацию вечно обиженных: еще на ногу не наступили, а уже норовят коленку потерять.

Известная наша актриса, приехав в Ригу, заглянула в Домский собор, красивый, купол – перевернутым колокольчиком, и вышла с претензиями: расписание службы на всех языках, кроме русского. Это она мне в фейсбуке написала, а я ей там же ответила: «Ирочка, дорогая, собор – лютеранский, зачем писать на русском, если русские туда не ходят? А вот если пройти по проспекту Вальдемара, а потом свернуть направо, на бульвар Райниса – там стоит роскошный православный храм, и, поверь мне, в нем все будет на русском».

А какой красивый русский театр, желтый с лепниной.

И русский мэтр.

Рига условно делится на три части. Сердцевина – старый город – уходит куда-то к каменным наконечникам, который как-то (удивляюсь, как) удалось сохранить. Экскурсовод рассказал нам, что девятьсот средневековых домов имеют историческую ценность. Стоят они все плотненько. Старая Рига была обнесена крепостной стеной, один небольшой ее фрагмент хорошо отреставрирован, другой сохранившийся кусочек – полуразрушен, а третий не виден, но он существует как часть улицы. А дело в том, что с появлением

артиллерии пропало значение каменных ограждений, и экономные рижане стали строить дома прямо в крепостной стене.

Эта улочка сейчас отреставрирована. Первый этаж занимают ресторанчики. Кладка внутри обнажена, и пока ты ешь картофельные блинчики с жареным беконом или суп из серого гороха с копченостями, можешь наблюдать, как выглядела крепостная стена, внутри которой ты сидишь.

Мы жили на другом берегу Даугавы, я с радостью поселилась не в центре, думала, как приятно будет смотреть с набережной на силуэт старого города. Но смотреть было не на что: силуэт не освещался, в отличие от любого европейского города. В Риге подсвечивают только мосты и дороги – то, что необходимо для передвижения. Бросалось в глаза, что городом власти занимаются с «подтянутыми животами», но то, что делают – делают добротно. Пожалуй, это самое подходящее определение – добротно.

Чувство добротности жизни.

Восстанавливать пришлось, конечно, многое. Главную городскую площадь, Ратушную, практически всю разбомбили. Я видела в музее фотографию Риги после 1945 года: на месте нынешних прекрасных зданий – только обгоревшие остовы.

Дом Черноголовых, например, построенный купцами гильдии Святого Георгия, был разрушен, стерт с лица земли. Его восстановили полностью: если сравнивать с довоенными фотографиями – разницы почти никакой.

Прибалтика была нашей киношной заграницей. Начиная с того, что во всех советских фильмах иностранцев играли прибалты. Они были бешено знамениты. Вия Артмане, великолепная Джулия в фильме «Театр», безумный красавец Ивар Калныньш, мечта любой зрительницы! Кружевной воротник, шпаги звон и звон бокала...

Самым знаменитым был литовец Донатос Банионис. Мне он запал в душу после фильма «Это сладкое слово – свобода», он играл там Сальвадора Альенде. Arporos, советую пересмотреть.

Фильм сняли почти сразу после переворота в Чили, прогрессивная советская общественность, конечно, была на стороне социалистического президента и осуждала хунту. Стишков на эту тему ходило немерено:

Встали дети утром рано,

нет Луиса Корвалана,

Вот она, вот она

– хунта поработала!

Сюжет: дело подходит к развязке, дворец президента окружен войсками, и один за другим покидают президента сторонники. Дворец пуст, нет даже охраны. Сальвадор Альенде сидит за столом, один, перед ним микрофон, и он произносит свое последнее обращение к гражданам: «Я – избранный народом президент».

И я помню, как комок поднимался к горлу: «Боже мой, есть же такие страны, где глава государства может сказать о себе такие гордые слова».

Сегодня, когда мы дожили до того, что у нас есть свой законно избранный президент, я вспоминаю эту сцену, конечно, совсем с другими чувствами. Они, конечно, актуализированы позорным бегством законно избранного президента соседней страны.

А сама Рига играла за границу. Расчетливые латыши научились продавать свою киношную славу. Главная достопримечательность, с которой начинается экскурсия по городу – это Дом, где на окне не стоял цветок, Дом,

из которого выпал профессор Плейшнер, потерявший осторожность, глотнув воздуха свободы. Где еще в СССР можно было найти место, более подходящее, чем Рига, чтобы изобразить этот воздух? Дом, надо сказать, сам по себе великолепный – знаменитый рижский югендстиль. Петербуржцы хорошо знают его как северный модерн.

Какое-то серое мрачное министерство показывают в качестве здания, где встречались Штирлиц и Борман. А прямо напротив изысканного кремового резного дома расположены два ресторана – «Юстас» и «Алекс», которые изнутри завешены фотографиями из знаменитого фильма. Будь я владельцем этих заведений, я бы еще предлагала посетителям зашифрованное меню.

Есть в Риге своя «Бейкер-стрит», дом, где жили Шерлок Холмс и доктор Ватсон, и улочки по которым ехал кэб, – интересно, где он теперь хранится?

Трубочистов нам на улице не попалось. Говорят, их осталось человек пятьдесят, – люди все меньше используют камины. Хотя безработица им все равно не грозит: ходячая достопримечательность – каждый рад сфотографироваться с перемазанным сажей господином в черном цилиндре.

Признаюсь, я устаю гулять по средневековым городам – булыжники не приспособлены к высоким каблукам, или, наоборот, каблуки к ним не приспособлены. По брусчатке надо ходить в мягких кожаных башмачках. Кстати, видела такие в музее, и лишний раз подивилась, какие маленькие были ноги у наших предков. И как тщетна жизнь. На витрине лежал детский башмачок X-XI века, он так хорошо сохранился, что было видно, как аккуратно пришита подошва. Дом, крытый черепицей, лампа в глиняном сосуде – я представляла, с какой трогательной родительской заботой, стежок за стежком, отец шил своему сынишке обувь. Где теперь этот малыш, где этот рижанин? Все суета...

Устаю я ходить по булыжникам. И это хороший повод забежать в кафе, заглянуть в магазин, потолкаться у прилавка, разглядывая вязанные носки со звездами, оленей, бегущих по краю варежки, и янтарь.

Янтарь я носить не могу. Наносилась в советское время – других-то украшений не было. Янтарные кулоны на кожаной веревочке, прозрачные мундштуки и пепельницы с медведем привозили из Прибалтики. На Рижском взморье и литовской косе собирали вынесенные волной камушки (сейчас, говорят, волной не выносит, надо добывать промышленным способом). Мой брат, до того, как его призвали в армию, еще школьником, провел лето в Литве, пионерском лагере и насобирал желтых камушков. Необработанный янтарь шероховат и непрозрачен, по краям он как будто немножко обгорелый, а внутри – светится. Тогда молодые люди умели сами делать украшения. Игорь смастерил инструмент: деревянная палочка с железной иглой. Раскалив ее на спиртовке, он проколол дырочки в каждой камушке и собрал мне ниточку бус. Я их храню до сих пор. Не ношу, правда, но храню.

Вторая часть Риги (раз уж мы условно разделили город на трети) напоминает Петербург – очевидно, застраивали в одно время. Нас, конечно, все время заносило туда, к северному модерну, но мы делали усилие и возвращались в средние века.

А на третью часть города, советскую, даже смотреть не хотелось: типичные коробки многоэтажек и апофеоз – торчащая посреди города, как штырь, башня бывшего дома Пресс, облупленная, никому не нужная.

Не пойдем мы больше в ту сторону.